

Алеша Попович женится

Отправлялся Добрыня во чисто полё
Не на много ведь поры, да на двадцетъ два года,
Оставляёт он свою да любиму симью,
Любиму свою симью, да молоду жону:
«Если сполнится мне да двадцетъ два года,
Не сиди-то ты, моя да молода жона,
Не сиди-то ты вдовой горькою,
Ты поди-ко-ся да за инá замуж,
Хошь за барина поди, хошь за буярина,
Не ходи толькё за Олёшинькю Половица,
Олёшинькя мне будёт крестовой брат».
Заводилосе у князя пированьё-столованьё,
Сидели они да на честном пиру,
Как запала-то ведь мысль в ретиво серчо,
Как задумал-ыт Олёшинька женитися,
Как на той-то вдовы да на Добрыниной:
«Уж ты, батюшко Владимир стольно-киевской,
Ты позволь мне-ка женитися на Добрыниной вдовы!»
Отвечает ему Владимир стольнё-киевской:
«Можот быть, Добрыня еще сам живой».
Говорит Олешинько Поповиц блад:
«Я давно вить-то ездил во чисто полё —
Сквозь Добрынюшка трава растёт,
Сквозь Микитица цветы цветут;
Ты позволь мне на ней женитися,
Ты же сам будёшь мне-ка батюшком,
А княгина-то Апраксия место матушки,
Как ты, старой да Илья Муромець,
Ты же мне быть ты тысецким;
Как Цюрило Голошапишко,
Ты будёшь мне ходить да место дружки-то».
Срежались они да со князём-то,
Как пошли-то ведь да со князем поездом,
Ише к той-то ведь Добрыниной родной матушке.
Шли-то ведь они да ноцным временём,

Как колотятся они у Добрыниной у матушки,
Как у тех же ворот да у крылецных.
Выходила-то Добрынина родна матушка:
«Ише хто же тут колотитце ноцным временём,
Ише воры-то или разбойники?»
Отвечат на то Владимир стольнѣ-киевской
«Запускай нас, Добрынина родна матушка,
Мы идѣм ведь к Добрыни на почэсен пир».
Запускала их Добрынина родна матушка,
Не воротят они в ложню теплую,
Ищэ прямо всё идут да в лёжню спальнюю,
Где-то спит его да молода жона.
Заходил Владимир стольнѣ-киевской
Как со тем же ведь Олѣшинькой Поповицом,
Как со тем же ведь стары да Илья Муромцом,
Говорят они Добрыниной молодой жоны:
Ты ставай-ко-се, вдова, со кроватоцьки,
«Ты ставай-ко-се с постелюшки пуховой,
Со кроватоцьки ставай-ко со тисовой.
Надевайся ты во платъицо во цветное,
Ты поди-ко-се с Олѣшой ко божьей церкви,
Принимай-ко-ся с Олѣшой золоты винчи».
Тут не белая лебедушка восклыкала,
У Добрыни молода вдова заплакала.
Как ставала ведь она да со кроватоцьки,
Как брала она в руки да золоты ключи,
Отмыкала она ящики окованны,
Вынимала она умываньицо румянное,
Вынимала она своё да платьѣ цветноѣ,
Надевала она своё да платьѣ цветноѣ.
Еще брал-то ей Олѣша да праву руку,
Как повёл-то ей Олѣша во божью церкву,
Принимали они винчи да золотые с им.
Были у Добрыни три ўтехи,
Были три ворона кормлѣныи,
Полетели эти вороны кормлѣныи,
Где ведь спит-то ведь Добрыня во чистом поли,
Ище спит-то ведь Добрыня во белом шатре.
Как один-от ведь садилса на сырой дуб,

Как другой-от ведь садилса на бел шатёр,
Как третей-от ведь садилса на сыру землю.
Как первой-от ворон-от воскуркаёт —
Как удрóгла ведь матушка сыра земля;
Как второй-от ведь ворон-от воскуркаёт —
Как сухое-то пенье поломалося;
Ищэ третей-от ведь ворон-от воскуркаёт —
Как наш-то ведь доброй молодец пробужаитце,
От великою хмелинки просыпаитце:
«Видно есь у нас над городом незгодушка».
Как сряжалса ведь Добрынюшка Микитьевич,
Как собирал-то ведь Добрыня свой белой шатёр,
Поворот дёржит Добрынюшка во свой город.
Приежжал-то Добрынюшка ноцьным временём,
Как колотитце Добрыня у своих ворот,
Выходила ведь Добрынюшкина родна матушка:
«Ищэ хто же тут колотитце ноцьным временём,
Ищэ воры ли вы ходите, розбойники?» —
«Ётпирай-ко-ся ты, матушка родимая,
Запусти-ко ты меня, уда́ла добра мóлодца!»
Как заходит ведь Добрыня да в гриню светлую,
Как заходит ведь Добрыня в спальну ложную —
Как ведь нет-то его да молодой жоны.
Ищэ спрашиват свою да родну матушку:
«Ищэ где моя да любима жена?»
Как не белая береза росшаталася,
Не зеленая к земле да приклонялася —
Да падала-то Добрынина матушка в резвы ноги;
«Недавно ведь у нас был Владимир стольно-киевской,
Ишшо с тем же ведь Олёшинькой Поповицом,
Увели-то у Добрынюшки молоду жону». —
«Уж ты дай мне-ка, матушка, благословеньицо,
Как сходить-то ведь к Олёшиньке на свадебку».
Говорила ему матушка родимая:
«Ты пойдешь, моё дитятко, на свадебку,
Ищэ много крови ты прольёшь напрасной». —
«Я не пролью, матушка, крови напрасной:
Ищэ ейно-то ведь дело невольное».
Надевал-то ведь он платьицо калицеско,

Заходил-то ведь Добрынюшка на свадебку,
Как сидят-то они за столами за дубовыми,
Как сидит-то жена с Олёшинькой Поповицом;
Наливали калики чару зелена вина,
Подавал калики князь да стольно-киевской,
Подходил-то ведь Добрыня к дубову столу,
Ищэ брал он ведь чару во праву руку,
Как за цяроцькой Добрыня выговариват:
«Тибѣ дай Боже, Владимир, ходитѣ батюшком!»
Наливают калики чару зелена вина,
Подаваѣт калики княгина мать Апраксия,
Как приходит-то калика к дубову столу,
Как берѣт он цяру во праву руку,
Как за чарой Добрыня выговариват:
«Те подай Боже, княгина, ходитѣ матушкой!»
Наливают калики чару зелена вина,
Подаваѣт калики Илья Муромецъ,
Как берѣт-то калика во праву руку,
Как за чарой сам выговариват:
«Те да[й] Бог, Илья, да ходитѣ тысецьким!»
Наливаѣт цару Олѣша-то Поповиць-от,
Подаваѣт цару Олѣшинька Добрынюшке,
Как берѣт-то Добрыня во праву руку,
Ищэ пьѣт-то цяру со една духу,
Как за царой сам выговариват:
«Те подай Боже, Олѣша, во советѣ жить!»
Наливаѣт-то ведь чару молода жона,
Ищэ пьѣт-то ведь Добрыня с едина духу:
«Те подай Боже, молодушка, согласно жить!»
Как сьмаѣт-то Добрынюшка с правой руки,
Как с правой-то руки да злачѣный перстень,
Роздвигала-то ведь она дубовы столы,
Да падала ему да во резвы ноги:
«Ты прости меня, Добрыня, во первой вины:
Как мое-то ведь дело подневольнѣе».
Как он брал свою жену да за праву руку:
«Проздравляю тебя, Олѣша, с молодой жоной!
Благодарю тебя ведь, князь да стольно-киевской!
Ты на што надеелся, Илья Муромецъ,

Вы уж взяли жену да от жива мужа?»

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., д. Пойлово (зап. в сел. Куя, на Печоре, Пустозерской вол.) — от Шевелевой Прасковьи Ивановны (уроженки Мезени), возраст не указан.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.